

Олег Хафизов

Кукла наследника Какаяна

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Эсгатович Хафизов

Кукла наследника Какаяна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63573342

SelfPub; 2020

Аннотация

Сюжет о человеке, превратившимся в куклу, и о механизме, превращенном в живое существо, кажется, стар, как мир: Пигмалион, Франкенштейн, кукла наследника Тутти... Однако с тех пор, как был написан роман Олега Хафизова, история об ожившей секс-кукле, возглавляющей мировое правительство, из причудливой фантазии превратилась в близкую реальность. И киборгесса под именем Мирская Мама только ждет команды “enter”. Содержит нецензурную брань.

Олег Хафизов

Кукла наследника Какаяна

I

Вы, конечно, слышали про японскую секс-куклу нового поколения. Об этом изобретении раструбили все без исключения средства массовой информации, но с тех пор прошло более года, а потому я напомним, о чем речь.

Новая секс-кукла так же отличается от своей надувной сестры, как «Боинг-707» от фанерного «кукурузника». Её внешность представляет собой точную копию мисс Вселенной года выпуска или какой угодно звезды по желанию заказчика. Тело изготовлено из полимера, меняющего температуру в зависимости от вашего эмоционального состояния, которое определяется специальными датчиками. При этом температура куклы не одинакова в разных местах тела. То есть, как верно заметил Иван Бунин, груди её могут пылать, а бедра оставаться прохладными, и это восхитительно.

В отличие от живых экземпляров, у новой куклы есть сердце, которое начинает учащенно колотиться, как только вы сжимаете её в своих объятиях. Благодаря гибкому каркасу, кукла может принимать самые разнообразные позы. Мощная компьютерная база позволяет ей совершать бо-

лее тысячи телодвижений от обычного подмахивания до танца «вальс-бостон». Кукла умеет курить, плакать, подмигивать, потеть. Но, пожалуй, самое удивительно, что она умеет немного вредничать, как самая настоящая леди.

Когда вы до неё дотрагиваетесь, она сжимает колени и капризным голоском говорит «ну-у-у» по-русски или “fuck off” по умолчанию. Но если её гладить и массировать в течение трех-семи минут, сердечко у неё начинает колотиться, температура повышается, она обхватывает вас конечностями и бормочет «да, да, да» (по умолчанию: “ja, ja”).

Понятно, что не каждый покупатель за свои деньги будет терпеть, когда его имущество строит из себя целку. По желанию заказчика программу “Sorry, I’m a lady” можно отключить. В памяти куклы зашито ещё десятка два программ на самые разные вкусы: «Госпожа», «Рабыня», «Динамистка», «Я люблю смотреть», ну и так далее. Я упомянул о вредности Аманды лишь для того, чтобы показать, как далеко шагнула психологическая проницательность изобретателей (кстати, наших бывших соотечественников). Мне, например, известен случай, когда клиент имел возможность покупать живых манекенщиц целыми стадами, но, тем не менее, выложил за Аманду цену хорошего «Шевроле», а затем поддерживал с нею платонические отношения. Впрочем, я забегаю вперед.

Вещь эта, что называется, на любителя. Кто-то готов отдать за неё целое состояние, а кому-то она и даром не нуж-

на. Зато уж ни одного телезрителя не оставила равнодушным история первого в мире брака человека с неодушевленным предметом, произошедшая в нашем городке. Я имею в виду скандал, когда Стас Какаян, сын всесильного Ахава Какаяна, женился на кукле. И не просто женился, а венчался по всем канонам в кафедральном соборе города, с хором мальчиков, каретами, фейерверками, авиашоу и концертом группы «Рикки э повери».

Надеюсь, никому здесь не надо объяснять, что такое Ахав Какаян. Ахав Какаян это алюминий. И все-таки с этим венчанием произошел перебор. Противники нашего епископа в Москве раздули истерику в прессе насчет того, что венчание с неодушевленным предметом является ещё более сомнительным, чем однополые браки, которые у нас до сих пор не узаконены. Целью брака, как известно, является деторождение. А брак с куклой, как и однополый брак, не может привести к появлению детей. Поэтому венчание Анастаса Ахавовича следует признать недействительным.

Какаян-отец без труда заткнул рты местной прессе, состоявшей у него на содержании. Но с центральными СМИ все оказалось не так просто. Огонь полемики перекинулся на Думу, где на обсуждение был вынесен законопроект о запрещении браков с неодушевленными предметами и уголовной ответственности за кукломанию.

Злые языки утверждают, что борьба с мракобесием стояла Ахаву Какаяну бюджета целой локальной войны. Но это-

му самоотверженному отцу ничего не жаль было для своего недоразвитого сына. И после того, как страсти поутихли, медицинская комиссия Академии наук Российской Федерации официально признала Аманду Хитачиевну Какаян живым биологическим организмом особой формы, обнаружив у неё беременность сроком 12 недель. А комиссия патриархата из ведущих богословов страны вынуждена была подтвердить, что биологическое существо женского пола, ожидающее ребенка от своего законного супруга, вне зависимости от своего происхождения, не может не быть одушевленным. Единственной уступкой, которую потребовали от Какаянов святые отцы, заключалась в перемене имени пластмассовой дамы.

Не все у нас, оказывается, можно купить за деньги. И Ахаву Какаяну, в конце концов, пришлось сменить языческое имя куклы Аманда на христианское Магдалина, которым, впрочем, никто не пользовался. Зато Стасик теперь не доставлял отцу никаких хлопот. Он перестал кусать за грудь свою прекрасную няню, плевать в тарелку, громко мычать и топтать ногами, когда выключали мультфильмы. Какаян мог быть спокоен за будущее своей алюминиевой империи.

Дело Какаяна раскололо страну на два лагеря. Консерваторы возмущались неслыханным кощунством, до которого довели нашу церковь продажные иерархи. Какаяна даже предлагали привлечь к суду за извращение, хотя подобное преступление не было предусмотрено уголовным кодексом.

Либералы, напротив, утверждали, что Какаяну-отцу за его родительский подвиг надо воздвигнуть памятник на родине (каковой и был недавно освещен во дворе юнкерского имени графа Аракчеева училища). Если ваш ребенок болен от рождения и вы готовы ради него на любые жертвы, то какая вам разница, что именно доставит ему радость? Хотя бы и куколка. И есть ли на свете такое утешение, в котором отказывает страждущему истинная церковь?

Как обычно бывает в подобных случаях, истину так и не удалось установить. Никто так толком и не понял, была ли девица Аманда все-таки роботом или живым существом. Поначалу 75% наших телезрителей считали, что она была куклой, 15% – что девушкой, а 10% затруднялись ответить. После трехнедельной рекламной кампании мнения поменялись следующим образом: 60% – девушка, 32% – кукла и 8% – профессиональная стриптизерша. А после того, как республика Корея на аукционе приобрела Центральный Спортивный Клуб Армии, всем и подавно стало не до кукол.

Всю правду о деле Какаяна знал только ваш покорный слуга.

По специальности я – неважно кто. Была у меня даже научная степень, но если я назову вам тему моей диссертации, вы вряд ли поймете, на каком это языке. А в момент, так сказать, описываемых событий, я работал сторожем секс-шопа «Нежность».

Думаю, мне нет нужды оправдываться в том, что я служил в таком позорном месте. Наши продавщицы были очень милые, интеллигентные девушки. Одна училась на юридическом, другая была замужем, а третья закончила филфак. Да и хозяин казался не из последних идиотов, пока не стал моим начальником. Все мы были современные, цивилизованные люди, терпимые до невозможности, и сами сексом практически не занимались.

Позор заключался не в том, *где* я работал, а в том, *кем* я работал. Вернее – сколько получал. Вот был истинный критерий, сближавший меня с парией. И если бы я был респектабельный содержатель публичного дома, то, несмотря на мои научные воззрения, я посмотрел бы вам прямо в глаза и представился: «Александр Перекатов, владелец борделя». А вы, я уверен, с удовольствием встряхнули бы мою натруженную бизнесом руку.

В тот день народ не очень-то ломился в наш магазин. Я решил, как обычно, пренебречь своим служебным долгом и почитать книгу под прикрытием прилавка в моей будке. И, как обычно, в тот самый момент, когда я раскрыл книгу у себя на коленях, в наш полуподвал принесло директора, прозвище которого соответствовало названию читаемого романа – Франкенштейн. А следом за предупредительным директором по лестнице степенно сошел Ахав Какаян в сопровождении огромного телохранителя и обесцвеченной красавицы в мини-юбке, описывать которую не имеет смысла, как пять-

десять стоящих рядом импортных писсуаров одной модели.

Телохранитель, скептически оценивший мою красивую черную униформу с Амурчиком, натягивающим лук на эмблеме, занял место у входа и скрестил мощные руки на мошонке. Блондинка стукнулась головой о качающийся под потолком двухметровый надувной фаллос, покраснела и поправила причёску. А хмурый Какаян, не обратив ни малейшего внимания на экзотический ассортимент магазина, расселся на банкетке, закинув ногу на ногу, так что места на сиденье хватило ему одному. Франкенштейн попросил продавщицу принести три стула и кофе.

Какаян не подал мне руки, но мы были с ним знакомы. В детстве мы занимались в одной велосипедной секции. Адик (тогда его звали Адик) был года на четыре старше меня и, как бывает в таком возрасте, казался мне каким-то недостижимым небожителем. Он уже фарцевал и одним из первых в нашем городке облачился в полный джинсовый костюм «Ливайз» с красным флажком. Учился он чуть хуже среднего, озоровал в меру, в спорте звезд с неба не хватал, и это, пожалуй, все, что мне о нем запомнилось. Это, и ещё одна фраза из разговора двух старшеклассников, запавшая мне в память и до сих пор звучащая в ушах: «Адик Какаян пацан здоровый, но сраный».

Что касается дальнейшей биографии Какаяна, она слишком хорошо известна, чтобы её пересказывать. Это участие в вокально-инструментальном ансамбле «Светозары»,

служба в армии, учеба в политехническом институте, завод, комсомол, создание одного из первых в стране центров научно-фантастического творчества молодежи, приватизация металлургического комбината и, наконец, приобретение целой группы металлургических компаний, после которого Какаян был избран депутатом Государственной Думы.

Что касается последовательности этих событий, я вполне мог что-то перепутать, особенно в той части, где Какаян в одночасье превратился из верткого комсомольского секретаря Адика в грузного магната Ахава Налбандяновича. Это превращение не совсем уложилось в моей голове и кажется мне чем-то вроде перерождения мерзкой кожаной кукол-ки в бабочку, только наоборот. Впрочем, подробности этой поучительной истории изложены на сайте www.kakayan.ru и прекрасно описаны в его иллюстрированной автобиографии «Вопреки обстоятельствам».

Там Какаян утверждает, что достиг высот исключительно за счет своего трудолюбия, всегда выделявшего его из толпы сверстников. Так, ещё будучи студентом, Адик предпочитал за мизерную плату драить полы институтских сортиров, пока его друзья бегали по танцулькам, и откладывал каждую копейку, пока товарищи сорили родительскими деньгами. Такое происхождение чудовищного состояния Какаяна кажется мне довольно странным, ибо любая дворничиха в таком случае могла бы стать богаче Билла Гейтса, а любая кухарка – управлять государством. Однако и других причин возне-

сения Какаяна определенно не было. Ахав Налбандянович всегда обладал весьма умеренными умственными способностями.

– Вам, конечно, известно, какая у меня беда? – сказал Какаян, как-то странно избегая взгляда Франкенштейна, буквально пожирающего его глазами. – Я имею в виду своего сына Стасика.

– Я читал в журнале, что ваш сын – талантливый промотор, – нашелся Франкенштейн.

Какаян отодвинулся подальше от директора, имевшего обыкновение брызгать слюной во время разговора, но Франкенштейн придвинулся на прежнюю дистанцию.

– Мой сын идиот, – просто и достойно сказал металлургический магнат и пронзительно поглядел на директора поверх очков. Теперь пришла очередь моего шефа прятать глаза. Франкенштейн пригорюнился.

– До семи лет мой сын почти не говорил, – продолжал Какаян будничным тоном, словно инструктировал. – Его не принимали в обычную школу, поэтому Стасик занимался с учительницей на дому. Постепенно ему удалось догнать своих сверстников, но он до сих пор читает по слогам. В июне ему исполняется двадцать один. Это крупный, физически развитой молодой мужчина со всеми физиологическими потребностями. Но мыслит он как ученик первого класса.

– Стас получил степень бакалавра экономических наук, – напомнила блондинка с почти материнской гордостью,

несколько странной для её явно служебного статуса. – Он добрый мальчик, но у него не клеится с женщинами. Мы приглашали для него самых красивых девушек из кабаре «Соблазн». Но он только щиплется и кусает их за груди. А ночью кладет с собой в постель плюшевого мишку.

– У вас есть дети? – перебил девушку Какаян.

– Дочь шестнадцати лет. Тоже идиотка, – простодушно ответил Франкенштейн и прикусил язык под недобрым взглядом охранника. Впрочем, Какаян не обратил на эту бестактность ни малейшего внимания. Мужик он был простой.

– Тогда вы понимаете, что отец не пожалеет для своего дитяти ничего, – сказал магнат. – Я сделаю все, что можно за деньги, чтобы моему мальчику было хорошо. Луну закажу по Интернету и прикажу отбуксировать на мою стоянку. Вы меня поняли?

Франкенштейн хлопнул себя по лбу, словно муху уничтожил.

– Я вас прекрасно понял, Ахав Налбандянович! Вас устроит модель «Аманда»!

Я вынес из подсобки коробку с Амандой и приступил к монтажу девушки. Франкенштейн метался надо мной, как орлица над орленком, и так меня напрягал, что я чуть не вставил руку в задницу. Впрочем, надо отдать должное японским кудесникам, несмотря на фантастическую начинку, Аманда была очень проста в сборке. Привести её в действие мог любой идиот, который справляется с пультом от телеви-

зора, а вывести из строя её можно было разве что ударом кувалды. Я надел на куклу ажурное белье, чулки на подтяжках, туфли на каблуке, вечернее платье с вырезом до попы, причесал её и посадил в кресло напротив Какаяна. Затем я нажал на пульте “on”, подождал, пока программа загрузится, и передал пульт директору.

Спутница Какаяна уставилась на куклу во все глаза. Аманда выглядела так шикарно, что по сравнению с ней блондинка казалась продавщицей с овощного развала. Самому Какаяну игрушка тоже понравилась. Лицо его едва заметно потеплело, но он принципиально не признавался, что доволен товаром. Он считал, что большой человек всегда должен быть немного не доволен покупкой, обслуживанием или подчиненным, чтобы ему не сели на шею.

– Ну? – ворчливо справился он.

– Вы можете управлять куклой при помощи клавиатуры, а можете отдавать команды голосом, четко проговаривая слова, – сказал Франкенштейн. – В её память, кроме английского, французского и немецкого языков, внесен весь толковый словарь Ожегова. Она выполняет пятьсот команд в повелительном наклонении или отвечает на поставленные вопросы в пределах средней школы. Для того, чтобы кукла вам не изменила, её можно запрограммировать на ваш голос. Сейчас я включу демонстрационную программу.

– Здравствуй, Ам-манда! – от волнения Франкенштейн заикнулся.

– Здравствуй, сладенький! – мелодично ответила Аманда, шевеля бесстыжими губищами, и медленно закинула левую ногу на правую, а затем – правую на левую.

Зрители остолбенели. Конечно, движения Аманды были несколько деревянными, а губы, если присмотреться, шевелились не совсем в такт словам, но все же – эффект получился поразительный. Перед нами сидела мисс Вселенная, тем более похожая на оригинал, что вела себя неестественно. И эта мисс была готова на все.

Спутница Какаяна нервно улыбнулась и закурила длинную сигарету, стряхивая пепел раньше, чем он успевал нагорать. Какаян трижды хлопнул в ладоши.

– Хотите попробовать сами? – прогнулся Франкенштейн.

– Что значит – хочу? Я попробую, – отвечал Какаян, не в силах сдержать довольной улыбки, портившей его волевое лицо. – А что сказать?

– Скажите, например: «Иди к папочке»! Только отчетливо произносите слова.

Молитвенно сложив руки на утлой груди, Франкенштейн отошел в сторонку и наблюдал за этой трогательной сценой с умилением родителя, дочь которого лезет на табуреточку читать стишок.

– Ну ты, иди к папаше! – угрожающе отчеканил Какаян.

Кукла сдвинула колени и закрыла лицо руками. Между пальцами по её щеке пробежала слеза.

– Да нет же, – ласково поправил Франкенштейн. – Вы

должны говорить естественным, негромким голосом, а то кукла испугается. Она же все-таки барышня.

– Ну, раз так, иди к папочке, дитятко! – расцвел Какаян и распростер объятия.

Внутри Аманды что-то тихонько прожужжало. Она осторожно поднялась с кресла, подошла к источнику звука, словно панночка, восставшая из гроба, повернулась к Какаяну задом, задрала платье и села на колени.

В комнате стало тихо, было только слышно, как у кого-то в сумке телефон выводит мелодию из фильма «Эммануэль».

– О, черт. Снимите её, – сказал Какаян и туго покраснел. Все поняли, что магнат возбудился.

Даже несмотря на значительную скидку, которой потребовал прижимистый миллиардер, продажа одной куклы перекрывала весь годовой бюджет магазина «Нежность». Франкенштейн изрядно рисковал, вкладывая деньги в эту авантюру, и вот, впервые в жизни, ему повезло. Через день-другой Какаян обещал перевести на его счет необходимую сумму, а через неделю, к дню рождения Анастаса, велел доставить Аманду в свой дворец.

Что касается лично меня, сделка века не принесла мне никакой выгоды. Напротив, Франкенштейн стал подумывать об открытии пункта проката кукол системы «Аманда» – своего рода автоматического борделя с услугами значительно дороже, чем у обычных девок. А для этого ему понадобился

бы штат лицензированных бодигардов, к которым я явно не относился. У меня появилась реальная перспектива потери моего ничтожного места.

На личном фронте также было без перемен.

Юные красавицы не тащат под венец сорокалетних ночных сторожей. Их не расхватывают на белый танец манекенщицы в ночных клубах. И даже ровесницы, которые несколько лет назад томились от зрелости, теперь бывают заняты семь дней в неделю и предпочитают ложиться спать в одиннадцать часов – с кем-нибудь понадежнее. Единственное место, где я постоянно общался с хорошенькими женщинами, была моя работа. Но у одной из наших продавщиц был преуспевающий муж, у второй – криминальный покровитель, а у третьей – десятки сетевых бойфрендов из всех стран мира вдвое моложе и понятнее меня.

Я решил провести романтический вечер с Амандой.

По окончании рабочего дня я под надуманным предлогом позвонил Франкенштейну и убедился, что до конца недели тот действительно уехал в Турцию за пенисами. Следовательно, он не нагрянет ночью и не обгадит мне всю малину. Посреди торгового зала я накрыл стол с шампанским, конфетами, тортом и ананасом, который ранее пробовал только в замороженном виде. Потом я собрал Аманду и стал выбирать платье из её гардероба, составляющего чуть не половину всей стоимости девушки.

Демонстрационное длинное платье с вырезом до бедра, в

котором кукла соблазняла Какаяна, почему-то вызывало у меня неприятные ассоциации. Кожаные наборы с шипами, ошейниками и фашистскими фуражками явно не годились для ужина при свечах. То же относилось и к костюму католической монахини с высоким рогатым колпаком, закрытому спереди под горлышко и открытому сзади до булок. К костюмчикам медсестры, школьницы и стюардессы я отношусь с пониманием, но стриптизерша не может быть Музой. А уж от костюма милиционера, который ушлые японцы вложили в комплект специально для российской действительности, меня чуть не стошнило. Достаточно одного цвета серого правоохранительного сукна, чтобы лишить меня остатков потенции.

Наконец, я остановился на простом (по форме, но не по содержанию) маленьком черном платье, соблазнительном и благородном. Я переоделся из черной униформы с Амуром на рукаве в светло-серый костюм, который успел снова войти в моду со времени моей последней свадьбы, и даже повязал желтый шелковый галстук. Затем я поудобнее усадил Аманду в кресло напротив себя, поправил юбку на её лаковых коленях и нажал кнопку пульта.

Компьютер девушки тихонько зажужжал и загрузился. Кукла закинула ногу на ногу и культурно сказала:

– Здравствуйте, Александр.

Невероятно! Она даже знала мое имя. Мы разговорились.

Главное преимущество Аманды относительно живых

женщин состояло в том, что она умела красиво молчать. Нет, в принципе она немного говорила и реагировала на мои tirades короткими высказываниями. Обычно она отвечала одним – двумя словами или междометиями. Но её реплики были так уместны, что выдавали незаурядное знание жизни. Точнее – природы. Ибо мудрость женщины, как и мудрость природы, заключается не в словесном хитроумии. Как раз наоборот. Мудрая женщина таинственно наблюдает за умственными пируэтами мужчины и говорит минимум слов, при этом разумея: «Болтай-болтай, но я-то знаю». И мужчина изнемогает.

Можно сказать, что Аманда была глупа как пробка. В определенном смысле она и была куском пробки, а точнее – пластмассы. Но после нескольких бокалов вина в её односложных репликах мне стало мерещиться некое высшее значение, исходящее из деревьев, камней или воды, если тараторжить на них слишком долго или обкуриться.

Я поделился с Амандой коммерческими замыслами Франкенштейна и спросил, что она думает по этому поводу. И знаете, что она ответила? Она ответила:

– О!

Она произнесла это с такой интонацией, какую используют опытные кокетки, когда их берет за колено незнакомый мужчина. Даже если бы Аманда применила такой ход при ответе на головоломный дзен-буддистский коан, вряд ли можно было вообразить что-либо более удачное. Но не слишком

ли я идеализировал эту куклу под действием винных паров? Только наличие юмора отделяет агнесс от козищ в мире женщин.

– Аманда, вам не кажется, что кака – ян? – ввернул я.

Компьютер задумчиво пожужжал несколько секунд, и Аманда безмятежно пролепетала:

– Как и писа. Инь – Ян.

Я был очарован. Аманда обладала именно тем парадоксальным чувством юмора, которое я обожаю в женщинах, да и вообще. Она маскировала хитрое содержание наивной формой. Циничные вещи она говорила с детской простотой, романтические – грубовато. На мгновение я пожалел, что у меня нет тридцати тысяч евро, но вспомнил, что завтра протрезвею.

Я пригласил Аманду на медленный танец. Не скажу, чтобы она отплясывала с ловкостью финалистки конкурса латиноамериканских танцев, но мне её неловкость показалась трогательной. Аманда просто положила мне на плечи пластмассовые ручки и стала переминаясь с ноги на ногу, как семиклассница, впервые пришедшая на школьный бал. У меня в голове промелькнула абсурдная мысль: скромная девушка, не таскается по дискотекам. Чтобы проверить качество покрытия, я чмокнул куклу в прохладную щеку. Её сердечко заколотилось, как у зайчика, а ладошки вспотели, как и указано в буклете.

– Я не такая, – сказала она.

Честно говоря, после этих слов мне захотелось разобрать Аманду на части и спрятать обратно в коробку. Но я вспомнил, что имею дело всего лишь с электроприбором наподобие чайника, обижаться на который бессмысленно. Кроме того, я и не собирался заходить в своих экспериментах слишком далеко. Ведь я был нормальный мужик, а не какой-нибудь Стасик. По крайней мере, в момент описываемых событий.

После того, как мы закончили наш целомудренный танец, я усадил Аманду на место и решил провести последний эксперимент перед тем, как произвести демонтаж и замести следы моего служебного злоупотребления. То, что она умеет более-менее внятно болтать, сносно танцевать и ловко кувыряться в постели, ещё не означало, что она женщина. Все это, за гораздо меньшие деньги, может и манекенщица. А сможет ли кукла, за те чудовищные деньги, который в неё вложены, сделать то, что проделывает изо дня в день, из года в год, из века в век самая обыкновенная, бесплатная женщина? Простая, так сказать, русская баба?

Если Аманда сможет и это, то японцы во главе западной цивилизации действительно достигли решительного превосходства над естественным миром, и роботизация вселенной в ближайшее время не только вероятна, но и желательна.

– Аманда, убери со стола, – скомандовал я с деланной небрежностью.

Компьютер внутри куклы надрывно загудел, однако

Аманда не сдвинулась с места.

– Слышь, чертова кукла, со стола сотри! – проворчал я, прямо как муж.

Жесткий диск Аманды застучал, как сходящий с рельсов трамвай, она задергала руками, задрыгала ногами, и вдруг из её ушей повалил дым.

Я мгновенно протрезвел и стал панически тыкать во все кнопки дистанционного пульта. Я пробовал голосовые команды, листал справочник, пытался перезагрузить Аманду и заменить блок питания. Все было тщетно. Каждому, кто хоть раз имел дело с каким-нибудь простеньким электронным устройством типа китайского калькулятора, с первого взгляда было понятно: кукла сдохла.

Утром я подскочил в постели как ужаленный. Нечто подобное бывает после жестокой пьянки, когда тебя избили и ограбили милиционеры, но ты ещё не вспомнил, что находишься в камере. Все, однако, было ещё печальнее. Я вспомнил гибель Аманды и понял, что мне каюк.

Каким именно образом наступит этот каюк, я пока не знал, но то, что он подступает, было несомненно. Насколько мне было известно, Какаян уже перевел деньги на наш счет. Стало быть, мне придется иметь дело не с вялым Франкенштейном, а с самим алюминиевым шейхом. Слагаемые долга от этого не менялись, но сумма получалась ох какая разная. Положим, со стариной Франкенштейном я ещё мог некото-

рое время поиграть в кошки-мышки, он ещё мог потянуть из меня соки, чтобы хоть частично компенсировать свое разорение. Но мне смешно было даже и помыслить о каких-либо переговорах с самим Какаяном, человеком, покупающим футбольные клубы. Вся моя недвижимость в виде комнатки, оставшейся мне после развода с женой, не стоила одной ноги этой пластмассовой шлюхи. А кроме этой комнатки, телевизора и музыкального центра никакого имущества у меня не было.

Мне вспомнилось, как двадцать пять лет назад я на тренировке занял у Какаяна рубль семьдесят на кассету «Тип-10» и просрочил возврат долга всего на три дня. Адик откуда-то узнал, где я живу, и явился ко мне в сопровождении угрюмого молчуна с бородкой, похожего на борца, с руками толще моего туловища. Пока этот борец прохаживался по нижней площадке подъезда и разминал хрустящие пальцы, Адик сообщил мне, что он пока не миллионер и не может разбрасываться рублями, а потому долг следует вернуть не позднее завтрашней тренировки. Адик мне не угрожал, но я в тот же день выпросил деньги у мамы и вернул ему до копейки.

Замечу, что уже тогда, в десятом классе средней школы Ахав Какаян отнюдь не был бедным мальчиком и манипулировал сотнями. Итак, если он готов был удавиться за рупь, что же он сделает за тридцать тысяч евро?

У меня оставался один брезжащий лучик надежды. И этот лучик звался доктор Каспер.

Доктор Каспер был вовсе не доктор, и фамилия его была не Каспер. Доктором его прозвали потому, что он работал в медицинском учреждении – областном диагностическом центре – и обслуживал электронное оборудование этой организации. А Каспером, очевидно, по аналогии со знаменитым интивирусником, название которого странным образом гармонировало с обликом моего друга. Настоящая фамилия доктора Каспера была Дергачев. Мы были с ним знакомы с тех пор, как он пришел заниматься в велосипедную секцию, где я уже считался ветераном. Доктор Каспер был моложе меня примерно настолько, насколько я был моложе Ахава Какаяна. То есть, он являлся моим младшим современником.

Я не буду здесь вдаваться во все странности доктора Каспера, которые своим обилием перевесили бы мое повествование. Вкратце отмечу лишь, что его рост составлял один метр девяносто восемь сантиметров, а размер головы соответствовал полутораметровому телу. При этом ширина плеч не превышала ширины бедер. Если вспомнить, что он носил обувь сорокового размера, то будет уместно сравнить его телосложение со знаменитой восковой персоной Петра Великого.

В отличие от Петра Первого, доктор Каспер носил очки и был безобиднейшим существом на свете. А потому, на протяжении всей своей недолгой жизни, и особенно на её юношеском этапе, он постоянно и попеременно становился

жертвой хулиганов и блюстителей порядка. Нет, правда, я в жизни не встречал человека, которого бы так часто забирали, обирали и пытали милиционеры, бандиты и особенно работники добровольных комсомольских оперативных отрядов. Виной тому была не только вызывающая смехотворность этого Паганеля. Ему бы все сходило с рук, если бы он вел себя как типичный профессор кислых щей. Но он ещё отличался антиобщественным поведением на грани безумия.

Он мог, например, раскорячиться посреди проезжей части улицы и, воздев к небу правую руку с очками, *дирижировать летающими тарелками*. Или, забравшись на постамент памятника Наныкину, в позе Маяковского выкрикивать на всю площадь одни и те же слова: «Оловянный! Деревянный! Стекланный!» Или обратиться к милиционеру с какой-нибудь забористой фразой типа: «Дойчен зольдатен нихт цапцарап махен», а потом сдвинуть ему на нос фуражку.

Все это, естественно, происходило в пьяном виде, то есть, в последнюю неделю каждого квартала (не календарного, а какого-то особого, астрально-алкоголического). Все остальное время доктор Каспер был гениальным компьютерщиком, и не только компьютерщиком. За деньги или так он мог отремонтировать все что угодно от ручных часов до космического челнока «Шаттл», не говоря уже об обычном персональном компьютере.

Вопрос моего спасения, таким образом, заключался лишь

в том, какая неделя данного квартала шла сейчас на его таинственном календаре.

При виде беленького, гладенького личика доктора Каспера, напоминающего свежеччищенную репку, я вздохнул с облегчением: спасен. Спасен, по крайней мере процентов на 20, что гораздо больше того абсолютного нуля процентов, что мерцал на дисплее моей души с утра. Более того, старина Каспер был в том самом взвинченном творческом состоянии, когда энергия била из всех его щелей, толкала на все подряд и наконец подсовывали бутылку. Очевидно, до начала планового запоя оставались считанные дни, если не часы. Если же запой и начался, то находился в стадии разбега и ещё не успел приобрести катастрофических для меня масштабов.

Не надо думать, что доктор Каспер, едва взявшись за бутылку, тут же надирался как свинья и падал под лавку, чтобы не выползть из-под неё неделями. Он начинал аккуратно, с рюмочки ликера, с бутылочки светленького пивка, и лишь к исходу третьего дня достигал долгожданного облика типичной скотины.

В дни перепутья доктор Каспер не мог уместиться в тесных рамках обычного человеческого языка и переходил на какую-то собственную *глоссолалию*, представляющую собой тирады немецких, английских, португальских и ещё чёрт знает каких слов, нанизанных в неведомом порядке и имеющих примерно то же значение, что и самозабвенная трель

соловья. То есть, речь Каспера имела значение, но не имела смысла.

– Оловянный, деревянный, стеклянный! Центро-ментро, о, святая икона, бессамемучо! – восклицал доктор Каспер, раскладывая Аманду на столе.

– Это есть инцест кукл де сеньор Какаяно? – справился он после того, как собранная девушка предстала перед нами во всей своей гламурной наготе.

– Она самая, – ответил я и поймал себя на странном желании – набросить на прелести куклы простынку.

– Отсос-подсос и онанист, один за всех и все за одного, что нихт арбайтен в этот кукла? – спросил Каспер, весело глядя на меня пониз очков (ибо, при своем росте, не мог смотреть иначе).

– А? Ну да, – догадался я. – Насколько я понимаю в компьютерном обеспечении, она накрылась медным тазом. Сгорела от страсти, как древнегреческая гетера Сапфо.

– Хай-фай! Системный блок нихт проявлять признаков жизни, – пробормотал доктор Каспер, хладнокровно отрывая от Аманды одну деталь за другой, так что в считанные минуты моя пэри превратилась в набор каких-то узлов с торчащими в разные стороны разноцветными проводками.

Только голова куклы до поры до времени оставалась неприкосновенной, но вот жестокий доктор добрался и до неё. Подумав несколько секунд, он запустил свой длинный палец в ноздрю девушки, куда-то надавил, и голова тут же

разделилась на две равные доли, изнутри начиненные проводами и чипами. Впрочем, вся эта начинка занимала не так уж много места. А большая часть девичьей головы была пуста. Что же в ней так щебетало, так мило резвилось и интриговало? Неужели все то, что говорится о пустоголовости блондинок, жестокая правда? Я отвернулся, а доктор весело тыкал паяльником в её мозги.

Когда работа была в разгаре и её трудно было остановить, а главное – сам доктор Каспер творчески возбудился в достаточной степени, я, как бы невзначай, решил затронуть самый щекотливый для меня вопрос. Рассматривая компьютеры, плееры, усилители, гитары, кофеварки, часы с кукушкой и прочие неисправные механизмы на стеллажах, я небрежно обронил:

– Если не возражаешь, я повременю с оплатой. Сиж на мели как броненосец «Потемкин».

– Шокин блю. Это есть неважный пустяк, – рассеянно отвечал Каспер. – Вам только надо сейчас побегает магазин за цвай бутылкен алкоголь.

– Ты что, бухАешь? – встревожился я.

– Вас ист бухайт? Цвай бутылкен пиво цузаммензетцен, – безмятежно отвечал самородок.

С сильно быющим сердцем и пятью бутылками пива в пакете я вернулся из магазина. Со времени моего ухода прошло не более десяти минут, а кукла уже лежала на столе девственно целая и разве что немного смущенная. Доктор Кас-

пер, подпрыгивая на носках при каждом шаге и потирая ладони, в нетерпении прохаживался вокруг своего творения.

– Пробуй! – вымолвил он человеческим языком. – Всех функций восстановить не удалось, но кое-что я сделал. Я сделал все, что в человеческих силах, кто может – пусть делает больше, как сказал Кай Юлий Цезарь под Полтавой.

– И что же ты... сделал? – улыбнулся я с несмелой надеждой.

– Энеки-бенеки! – доктор Каспер выхватил из своих залей какой-то пыльный диск и сунул его в раззявленный рот Аманды. Девушка запела сиплым голосом Джо Кокера:

Baby, take off your dress, yes, yes, yes!

– Я сделал из неё ди-ви-ди караоке, – сообщил доктор Каспер, излучая творческое счастье.

Среди всех вариантов моего спасения самым бесполезным казалось обращение к Рошильд, но иного выхода у меня не было.

Настоящая фамилия Рошильда была именно Рошильд, и богат он был если и не совсем как Ротшильд, то почти как Ахав Какаян. Достаточно сказать, что недавно он купил третий «Кадиллак», не отличающийся от двух предыдущих ни моделью, ни цветом, ни годом выпуска, только потому, что он якобы ходил с какой-то особенной мягкостью.

Впрочем, Рошильд не всегда был так богат. После окончания педагогического института он работал тренером по ве-

лосипедному спорту с окладом 86 рублей и весь обед его нередко состоял из бутылки кефира с булочкой, на которую я, преуспевающий научный сотрудник, добавлял ему двенадцать копеек. Мы шутили, что Леонида надо занести в книгу рекордов Гиннеса как самого бедного Рошильда планеты. По паспорту Рошильд был украинец. Выдавал он себя за грузина. Но с годами природа взяла свое, и Леонид разбогател.

Степень богатства Рошильда я не берусь оценить даже приблизительно. Возможно, она была сильно завышена его цветистым воображением, в коем он представал неким Гарун-аль-Рашидом. Его творческий путь не был освещен в альманахе местной финансово-промышленной палаты «Вопреки обстоятельствам», которую остряки называли «Справочником прокурора», а Интернет, вместо информации о Рошильде, предлагал прибавить к его фамилии одну букву и читать сколько угодно о династии легендарных еврейских финансистов.

Интуиция подсказывала мне, что сказочный взлет Леонида связан с приватизацией некоего противовоздушного КБ, фактически возглавляемого его отцом, одним из виднейших военных конструкторов нашей современности. Рошильд-сын, свободно владевший несколькими иностранными языками, зачастил в страны второго и третьего миров, заинтересованные в своей самобытности. После каждой такой поездки его благосостояние скачкообразно улучшалось, а представители американского МИДа в очередной раз упо-

минали в своих нотах наш городок, как источник вероломной помощи черным силам Оси Зла.

Казалось бы, интересы скромного сторожа в магазине сексуальных принадлежностей и торговца ракетным вооружением бесконечно далеки друг от друга. И все же, примерно раз в три недели Рошильд утомлялся от своих уголовно-экономических коллег и вспоминал о старом приятеле по велосипедному спорту, то есть, обо мне.

В такие вечера Леонид (естественно, за свой счет) приглашал меня в лучший ресторан города «Купецъ Наныкинъ», где мы предавались ностальгии. А поскольку самым приятным пунктом ностальгии были наши совместные сексуальные приключения, то наш вечер встреч, как правило, плавно перетекал из ресторана в стриптиз и оттуда – в номера. Затрудняюсь сказать, что стоило Леониду одно такое сентиментальное путешествие в прошлое. Но если суммировать его расходы на меня хотя бы за этот год, то и выходило, что он истратил никак не меньше искомой суммы.

Так почему бы, думал я в отчаянии, ему не выдать мне эту сумму авансом на руки, мне, своему единственному другу, который находится на грани жизни и смерти?

Салон автомобиля Рошильда площадью был примерно равен моей комнате, но значительно превосходил её комфортом. Леонид включил поддувало, мгновенно превратившее июльское пекло в прохладное майское утро, и стал что-то рассказывать о своей последней поездке в Италию. Насколь-

ко я понял, итальянцы разочаровали Рошильда своим раболепием перед властями, так же как его разочаровывали представители всех других наций, с которыми ему приходилось иметь дело, кроме, пожалуй, грузин.

— Он мне говорит: как вы смеее так говорить о Буше, этом великом человеке? А я ему говорю: я имел маму вашего великого человека, а вы педераст. Согласны? — воскликнул Рошильд, хлопнув себя ладонями по мощным ногам, но заметил, что я реагирую недостаточно темпераментно и насторожился. Как всякий человек при деньгах, он понимал, что мотивы собеседника угадать не так уж сложно. А если поведение собеседника не совсем понятно, значит, он хочет денег.

— Что-то случилось? — просил он.

И я, без всякой психологической подоплеки, вывалил:

— Мне нужна крупная сумма денег. Ну, крупная для меня: тридцатка.

Рошильд крепко задумался. Я вспомнил (хотя и не забывал об этом никогда), что Леонид, как сгусток противоречий, сочетал в себе бессмысленную щедрость с неоправданной скупостью. Он мог вышвырнуть на тебя несколько сотен долларов вечером, но пожалеть двадцати рублей на пиво утром. Обо всех наших однокашниках, которые пытались одолжить у него деньги, он отзывался с отвращением, как о проходимцах. Неважно, о какой сумме шла речь. Особенно его возмутил один одноклассник, преподаватель-подвижник из пригородного интерната Неелово, свихнувшийся на пат-

приотизме от нищеты. У него хватило ума попросить у Рошильда денег на издание газеты национального единства «Ктопору!» На что Рошильд якобы ответил:

– А не хочешь ли пососать у Гитлера?

В силу литературности последней фразы и склонности Рошильда к гиперболам, я считал такой ответ выдумкой. Но Леонид, конечно, не дал бы денег на развитие фашизма в нашем городе. Равно как и на бизнес, строительство, приобретение жилья, автомобиля, лечение, похороны и что угодно ещё. Кроме обжорства и блядства.

– Я подарил Жоржику «Лексус», – сказал Леонид, имея в виду своего двадцатилетнего сына. – И даже для меня это значительная сумма. К тому же, этот подонок Буш так обложил нас со всех сторон, что скоро мы будем выпускать вместо ракет новогодние хлопушки. Словом, ты не поверишь, но я вынужден отказывать себе в самом необходимом. В Италии я не пошел к блядям.

– В таком случае меня на днях убьют, – сказал я уныло.

Леонид задумался ещё крепче. С годами, по мере взросления детей, он делался все более сентиментальным. Он жалел несовершеннолетних потаскушек, одиноких официанток, поднимающих детей без мужа, старых нищенок у дверей магазина, кошечек, грязных цыганских детей. О былом буйстве напоминали только приступы бешенства при халатном обслуживании в магазинах.

– Бедняга, – сказал Рошильд. – Сколько же тебя спасет?

– Хотя бы двадцать, – оживился я.

И вдруг произошло чудо. Кто-то из того же небесного ведомства, которое решило устранить меня из жизни, отчего-то передумал. Рошильд широко улыбнулся своими неестественно белыми, ровными зубами, потрепал меня по плечу и сказал:

– Я дам тебе... пятнадцать. Если ты со мной пообедаешь.

Рошильд включил песню ансамбля The Beatles “You’ll Never Give Me Your Money”, что в переводе означает «Ты никогда не дашь мне своих денег». Его лакированный катафалк рванул по ухабистым улочкам нашего городка, слегка покачиваясь в тех местах, где любая другая машина развалилась бы на части. Через несколько минут сияющий Леонид выходил из пункта обмена валюты, держа ворох денег в руках, прямо перед собой. Его ковыляющая походка матерого самца гориллы казалась мне поступью ангела, бегущего ко мне по облакам. Мне только было не совсем понятно, для чего ему понадобилось менять деньги на рубли, когда гораздо компактнее было бы выдать их в твердой валюте.

Леонид плюхнулся рядом со мной на кожаный диван и, не переставая лучиться благодушием, тут же отсчитал мне пятнадцать новеньких сиреневых купюр с изображением князя Ярослава Мудрого, который держит перед собою на руках макет города, напоминающий торт.

– Ну, вот ты и спасен, – удовлетворенно произнес Рошильд.

– Что это? – спросил я, вытягиваясь, бледнея и холодея всем своим существом.

– Пятнадцать тысяч рублей, – ответил Леонид.

Если вам когда-нибудь приходилось обдумывать планы самоубийства, то вы согласитесь, что и самому отчаявшемуся человеку не все равно, каким способом уходить из жизни.

Большинство самоубийств задумываются в качестве устрашающей демонстрации и удаются лишь по несчастному случаю. Так, одну мою знакомую вынули из петли несколько позднее, чем она предполагала, потому что друзья привыкли к её «самоубийствам» и вышли на улицу покурить. А один мой приятель, изображая прыжок из окна, зацепился ногой за вывеску магазина, перевернулся и убился об асфальт с жалкой высоты третьего этажа.

Но и при самых серьезных намерениях многим самоубийцам отчего-то не все равно, как они будут выглядеть после смерти. Поэтому несовершеннолетние девушки, умирая от несчастной любви и воображая свое прекрасное тело в усыпанном цветами гробу, выбирают самую адски мучительную смерть и выжигают себе внутренности уксусной кислотой. А я, вынося на улицу зловонного удушенника, мужа моей соседки тети Насти, помнится, дал себе слово перед смертью обязательно принять душ и переодеться в свежее белье.

И наконец, некоторые виды смерти почему-то кажутся людям подлыми, несолидными и даже смехотворными. А

другие, напротив, благородными и возвышенными. Я, например, не встречал желающих погибнуть, подавившись пузырем от жевательной резинки, что случается с подростками не так уж редко. Но каждый не прочь благородно пустить себе пулю в сердце хотя бы потому, что пистолета у него нет.

Что касается меня, я выбрал смерть в водной стихии. Попробую объяснить.

В раннем детстве, когда я узнал о лагерях смерти, мне было непонятно, отчего люди терпели такие муки и не убивали себя сами. Положим, заключенных лишают всех средств самоубийства, как-то веревки, ремни, шнурки, бритвы, ножницы и прочее. Но ведь для прекращения жизни человеку достаточно остановить свое дыхание, а для этого не нужны никакие приспособления.

Позднее, в пионерском лагере, я ознакомился с романом Джека Лондона «Мартин Иден», в котором герой, пресыщенный литературным успехом, ночью выпрыгнул с корабля в открытый океан, отрезав себе путь к возврату, а затем нырнул на максимальную глубину, где и захлебнулся среди фосфорисцирующих рыб.

И наконец, в средней школе я прочитал пьесу А. Н. Островского «Гроза», в которой героиня прыгнула с обрыва в Волгу, и роман М. А. Шолохова «Тихий Дон», где одна из героинь заразилась легкой по нынешним временам венерической болезнью, заплывла на середину одноименной реки и утопла.

Все это вкупе сформировало у меня образ утопления как довольно привлекательный и чистенький по сравнению с повешением, безобразным выстрелом в рот, прыжком с небоскреба, ну и так далее. Главное же, как я теперь понимаю, попытка утопиться является наиболее обратимым из всех перечисленных способов. А я, даже наедине с самим собой, все пытался кому-то что-то изобразить. Все как будто хотел кому-то показать: «Доиграетесь»!

Должен заметить, что утопиться в нашем городке не так легко, как, скажем, в Санкт-Петербурге, называемом Северной Венецией из-за обилия каналов, рек и прочих водоемов. Одной из характерных черт нашего города-героя является как раз то, что в его границах не протекает ни одной маломальски порядочной реки. А река Улема, близ которой в XVIII веке был заложен Петром Великим градообразующий металлургический завод, давно превратилась в зловонный ручей, с трудом пробивающийся среди скопления ила и нечистот. Теоретически, конечно, можно утонуть и в Улеме, и местные СМИ ежегодно сообщают об отлове 3-5 неопознанных трупов, но эти несчастные не столько утонули в воде, сколько увязли в зловонной жиже, а это непристойно.

В моем распоряжении, таким образом, оставался только пруд парка имени купца Наныкина, ранее Луначарского, облагороженный благодаря окрестным застройкам региональных богачей так называемой *Долины Бедных*. Кстати, в этой же Долине Бедных, неподалеку от парка, находилась

и вилла Ахава Какаяна, на которую не позднее завтрашнего дня Франкенштейн обязан был доставить куклу в лучшем виде. Моя гибель в пучине под самыми окнами безжалостного магната при должном освещении прессой приобретала, таким образом, дополнительный социальный подтекст.

Бодрой трусцой утопленника я сбежал к сияющему пруду. Окрестности водоема, благодаря рачению паразитирующей верхушки общества, менялись к лучшему буквально на глазах.

Когда-то здесь, на склонах лесистого оврага, сдавали лыжные зачеты студенты-педики, играли в военно-спортивную игру «Зарница» учащиеся средних школ, а летом, среди бурелома, бухАли жуткого вида татуированные типы в семейных трусах и катались на *тарзанке* прокуренные подростки. Теперь *Нанькинский лес* фактически не отличался от средней руки черноморского курорта. Те же симпатичные кафешки под открытым небом, те же стоянки для автомобилей, фонтанчики, парапетики и икэбанки. Те же, между нами говоря, общественные туалеты с бумагой и мылом, которых на территории нашего города не возводили со времен последнего визита Леонида Ильича Брежнева в январе 1977 года.

На полянке у пруда рука неведомого самаритянина успела убрать вчерашние окурки, пустые упаковки и жестянки. Погода в этот час (девять тридцать утра) была великолепна, не жаркая, но приятно освежающая. Ровная травка лужай-

ки была накрыта зыбкой узорчатой тенью корявого древнего дуба, помнившего, поди, ещё самого Наныкина, а по ломкому сиянию озера скользили коричневые утюги уток.

Если акт самоубийства предполагает интимность и эстетику, то выбор места и времени был сделан как нельзя более удачно. Мир был прекрасен, как он только может быть прекрасен в данной точке земного шара. Людей же в этом мире не было. Мои сограждане даже в такую погоду отчего-то не выстраивались на рассвете в очередь к единственному в городе приличному месту отдыха, а кое-как сползались сюда часам, этак, к двум.

Первым делом я приступил к составлению посмертной записки, которую очевидцы обнаружат по извлечении моего тела из воды бравыми водолазами МЧС. Не люблю пафоса, но самоубийство без посмертной записки – все равно что террористический акт без оглашения политической ответственности – просто безобразие. Это смахивает на несчастный случай, если не на уголовщину.

Цель моего текста была чисто информационная. Он призван был, с одной стороны, избавить правоохрнительные органы от тех ничтожных усилий, которые они обычно прилагают при выполнении своего служебного долга. С другой же стороны, он должен был дать правильный ориентир местной журналистике, склонной к самым нелепым выдумкам в поисках мелких сенсаций.

Без единой поправки я написал:

*Погибаю по странной прихоти небезызвестного Ахава
Какаяна. Причина моей смерти слишком банальна: поломан-
ная кукла.*

Ваш Александр Перекатов.

Я прижал записку обломком кирпича, который пришлось ещё поискать в этой благоустроенной зоне, разделся и нерешительно направился к мосткам. В голове бились бессмертные строки:

*Трусы и рубашка лежат на песке. Никто не плавает по
опасной реке.*

Я решил мужественным кролем заплывать на середину, а там, как Мартин Иден, занырнуть на невозвратную глубину. Если же глубина пруда окажется недостаточной, я могу плыть под водой до тех пор, пока не захлебнусь. То есть, выражаясь языком милицейских протоколов, моя смерть наступит в результате асфиксии.

Я пружинисто оттолкнулся от нагретых мостков, следя за тем, чтобы руки были сведены над головой, а носочки красиво оттянуты. «Жаль, что меня никто не видел», – сказал мой внутренний голос в тот момент, когда бутылочно-мутная вода забурлила вокруг, навстречу ударил донный холод, и плавки, соскользнув с моих бедер, уплыли в водную пучину. Отправляясь топить, я забыл как следует подтянуть резинку на трусах.

Со мною произошло самое неприятное, что могло слу-

читься с самоубийцей-эстетом. Его (то есть, моя) гибель лишилась трагического ореола, как я лишился трусов. Сегодня же, ближе к вечеру, когда меня наконец выловят и бросят на клеенку для обозрения репортеров, мое посиневшее тело будут снимать так и этак с самых уродливых ракурсов, а молоденькие журналистки будут хихикать в кулачок, исподтишка толкая друг друга и указывая взглядом на мой позорно сморщившийся стручок. Зная замашки этой дотошной братии, можно было не сомневаться в том, что мое срамное изображение в этот же день появится на экранах телевизоров, а на следующий – в газетах.

Я нырнул и стал шарить по илистому дну, пока хватило дыхания, но не нашел ничего, кроме нескольких ракушек. Не знаю, как у Мартина Идена, а у меня хватило мОчи совсем не надолго – секунд на тридцать. Я подплыл отдохнуть к мосткам и с досадой заметил, что на пляже располагаются первые посетители: полная моложавая женщина в закрытом голубом купальнике и её жилистый муж примерно моего возраста. Дама расстилала люминисцентное покрывало с тигром, выбирая наилучшее положение лежбища относительно солнца, а муж устанавливал желто-голубой зонт на раздвижном штативе. «Так вот как выглядели последние люди на этой планете, которых увидел Мартин», – подумал я словами романа и яростно оттолкнулся в воду, пока не кончились остатки решимости.

Во время второго погружения я увидел на дне что-то бле-

стящее и поднял монету достоинством десять рублей с белой середкой и желтым рифленным ободком. На этой юбилейной монете был изображен Юрий Алексеевич Гагарин в скафандре. Совершенно очевидно, что монета была не потеряна владельцем, а брошена на счастье. На мое. Я снова подплыл к мосткам и положил денежку на край, чтобы воспользоваться, если мне успеют сделать искусственное дыхание. Дело в том, что, отправляясь на самоубийство, я совершенно не учел сценарий моего случайного спасения и взял деньги на маршрутку только в один конец.

И вот, при третьем погружении, со мной едва не произошла беда. От непредвиденных препятствий я психанул и стал шарить по дну до тех пор, пока совсем не кончилось терпение. Для того, чтобы подняться на поверхность, мне надо было по крайней мере пять секунд, но воздуха у меня не осталось и на секунду.

Спазматически вбирая горлом вакуум и барахтаясь всеми конечностями, я рванулся к белому свету, который тускло просвечивал сквозь бесконечную зеленую толщу воды, с ревом вырвался наружу и порядком нахлебался. Когда же, откашливаясь и содрогаясь от ужаса, я подплыл к берегу, то первым делом обнаружил мои плавки, пузырящиеся в прозрачном мелководье.

Затем я поднял голову и увидел две самые великолепные, длинные и гладкие ноги, какие только способно создать эротическое воображение – ноги Аманды. Ожившая кукла, по-

крытая средиземноморским загаром, с цепочкой на щиколотке и сияющими браслетами на татуированных младенческих ручках, обутая в высочайшие пробковые платформы и одетая во что-то минимальное и белое, сидела на корточках, сверкала стерильным гипюровым бельем и кормила уток крошками булочки.

Перехватив мой взгляд, кукла безмятежно улыбнулась, одернула юбочку и сказала своим ясным голоском:

– Никогда ещё не видела, чтобы так долго ныряли.

Виляя попой, прекрасный оборотень взбежал на плотину. Я на коленях пополз за трусами. Жизнь понемногу налаживалась.

Трусы делают человека гражданином. Вместе с плавками я вновь обрел здравомыслие. «Зачем мне убивать себя самому? – рассуждал я. – Эту неприятную обязанность за меня выполняют специалисты». К тому же, мимолетное виденье натолкнуло меня на интересную идейку.

Если я, профессиональный оператор машинного доения, чуть не спутал Аманду с девушкой на пруду, так неужели их различат тупоумные Какаены? Незнакомке только останется приложить для этого минимум артистических способностей. А мне разыскать знакомку и подменить ею Аманду. Но как?

Наныкинская дива, конечно, была профессиональной красавицей. Неважно, где она зарабатывала на белье: в мо-

дельном агентстве, стриптизе или на эстраде – такие особы живут в отдельном ночном мирке, не имеющем сообщения с дневным миром трудящихся. Вдруг я хлопнул себя по лбу с таким звонким шлепком, что гражданка с тележкой, напминающей пулемет «Максим», отсела от меня на другое сиденье автобуса. Ведь среди славной плеяды воспитанников велосипедной секции был человек, который знал о наемных девушках города все! Его звали Филипп Писистратов.

Писистратов был владельцем собственной студии по производству эротики, порнографии и высокохудожественной продукции, воспевающей красоты женского тела. Перед его раскаленным объективом промелькнули десятки тысяч ягод и грудей. И при этом он, почетный гражданин города, пользовался у современников непререкаемым моральным авторитетом. Поговаривали, что он ни разу не совокупился ни с одним из тел, изображенных на его фотополотнах.

Филипп не были ни уродом, ни педерастом. В своем неизменном смокинге с бабочкой, с гишпанской бородкой и скрещенными на груди руками, он напоминал эдакого импрессиониста. Такие мэтры местного значения обычно куда как ловки пудрить дурочкам мозги напускным шиком и добиваться своего. И Филипп добивался – не секса, а дела. Его профессиональная репутация зиждилась на том, что с ним спокойно можно было оставить в студии несовершеннолетнюю дочь или новую жену и получить обратно нетронутой, с комплектом снимков «ню» для конкурса «Мисс Очарова-

ние». Однажды я откровенно спросил Филиппа, неужели у него никогда не возникало соблазна завалить одну из этих бесстыжих кобыл, которые пасутся у него целыми табунами? Неужели они его не домогаются?

– Конечно, домогаются, – ответил Писистратов, поправляя перед зеркалом бабочку. – Но если я поймею хоть одну из малых сих, то и остальные будут думать, что со мною можно расплатиться натурой.

Визитная карточка Писистратова была испещрена званиями и регалиями: почетный гражданин Перми, академик почетной академии изобразительных искусств и естественных наук Российской Федерации, действительный член союза художников, дизайнеров и кинематографистов, кандидат филологических наук... В Долине Бедных, чуть поодаль от дворца Какаяна, возвышался его вычурный четырехэтажный замок красного кирпича с вывеской «Студия Филиппа Писистратова. Фото и видео», Он парился в сауне с сильными мира сего: Ахавом Какаяном, чемпионом по борьбе без правил Гамзатханом Гамзатхановым, мэром Трусовым... Он был настоящий трудоголик, работал по двенадцать часов в сутки и уже заработал первый инсульт. Но снимал он паршиво.

Девушки на его фотографиях принимали такие пошлые, жеманные позы, что не могли ни восхитить, ни возбудить. Если верить рекламному буклету Филиппа, то в его архиве хранилось более миллиона фотографий голых женщин, но

я, при всей своей эротомании, не хотел бы получить в подарок ни одной из них. Когда я рассматривал эту пошлятину на стенах его студии, мне казалось, что Писистратов ненавидит женщин больше всего на свете и мстит им за низость. Даже матрешки «Плейбоя» с их пластмассовыми арбузами казались одухотворенными Мадоннами рядом с натурщицами Писистратова – в жизни резвыми потаскушками.

Но эта продукция пользовалась огромным спросом. Иначе откуда дворец?

Писистратов усадил меня перед экраном своего роскошного компьютера и открыл банк женщин, начиная с семидесятых годов прошлого века, а сам вернулся к работе, не прерываемой ни на секунду. Он ладил свет для съемок старшеклассницы, которая раздевалась за ширмой, и беседовал с её моложавой мамашей, стоявшей у него над душой.

Я тактично уткнулся в экран, ловя волнующие шорохи за ширмой и тревожный голос любящей родительницы. Рискую наткнуться на фото собственной жены в дезабилье, я просмотрел всего несколько месяцев, а у меня уже мельтешило перед глазами от шарообразных грудей и ядерных ягод, нелепых изгибов и вульгарных примас. Моей красавицы здесь не было, или коварный Филипп изуродовал её до неузнаваемости. Если же эта девушка и завалялась среди тысяч ей подобных, то найти её здесь было не легче, чем рядового Иванова в русской армии. Ведь девушек, выставляющих себя на позорище, было никак не меньше, чем солдат в

настоящей дивизии, все они были разные, почти не повторялись и маршировали бесконечными шеренгами на коммерческий убой. Откуда они берутся в таких количествах? Куда исчезают с витрины жизни, отыграв свою короткую роль? Вот подлый фокус природы.

Писистратов пытался нейтрализовать мамашу ангельским терпением психотерапевта. Она, однако, ещё томилась сомнениями. Ведь её дочь почти никуда не ходила, и у неё не было подруг, кроме бдительной матери. Знаете, бывают такие матроны, оттеняющие своими увядшими прелестями идущую рядом новенькую копию, из тех, которым говорят: «Вы прямо как две сестры», а сами думают: «Хоть бы ты провалилась сквозь землю, мегера». Но они, как сторожевые собаки, не покидают своего сокровища ни на секунду, чтобы им, не дай Бог, кто-нибудь не наслаждался.

– Ты же сама у меня пробовалась, когда была в её поре, – токовал Писистратов. – Ну и что, покусал я тебя?

– Что ты, Филечка, – жеманничала мать. – Я бы, может, и хотела, чтобы ты меня укусил, но ты был непреклонен.

– Так в чем же дело? Неужели ты думаешь, что я обижу твоего ангелочка, если не покусился даже на тебя?

Подыгрывая Писистратову, я игриво обернулся на мамашу и не пожалел, потому что в этот момент из-за ширмы выпорхнула её гибкая дочурка в ажурном белье.

– Вау! – вырвалось у меня.

Моё чересчур искреннее восхищение не укрылось от над-

смотрящицы.

– Кто этот мужчина? – неприязненно справилась она.

– Это мой ассистент. Без него сеанс невозможен, – убедительно сказал Писистратов.

После этих слов матушка была вынуждена смириться с моим присутствием, а я наблюдал за съемками без всякого смущения, как равноправный участник творческого процесса.

Для того, чтобы убедить Тому (так звали мать очаровательной школьницы) в абсолютном целомудрии эротического искусства, Филипп предложил ей остаться в студии. У него, как известно, не было никаких секретов, а Нателле (так звали девушку) будет легче расслабиться при маме, с которой она никогда не расставалась и даже вместе спала.

Сначала Писистратов заставлял Нателлу садиться на диван, барахтаться в воздухе ногами и ползать по полу, не снимая сбури. Девушка, показавшаяся мне восхитительной с первого взгляда, мгновенно оцепенела и стала неуклюжей, так что неловко было смотреть. Она уже вызывала не романтические иллюзии, а досаду, мне хотелось набросить на неё телогрейку и вытолкать вон. Но Писистратов работал и работал, с каждым щелчком аппарата ухудшая результат. И чем более страдальческий, вымученный вид принимала модель, тем более раскованным, азартным становился фотограф. Я бы сказал, что, в отличие от Нателлы, Писистратов был прекрасен. Усомниться в компетентности такого маэстро было

невозможно.

– Теперь поработаем топлесс, – предложил Писистратов, надевая специальные подлокотники и наколенники, наподобие тех, в которых катаются на роликах. Я понял, что предыдущий раунд фотосессии был всего лишь разминкой.

– Не рановато без лифчика? – доброе лицо матери отвердело.

– Сорокалетнюю грудь она будет показывать врачу, – изрек Филипп. – А для того, чтобы девочке было проще, ты встанешь напротив неё зеркальным отражением и будешь раздеваться, как раздевалась передо мной в далекие восьмидесятые.

Писистратов включил томную музыку, мать и ночь стали раздеваться, а я отвернулся к экрану. Эта невыносимая сцена напоминала дезинфекцию в тифозном бараке.

– Соблазняем меня топлесс, – режиссировал Писистратов. – Нателла, у тебя есть знакомый мальчик, которого ты хотела бы соблазнить? Представь себе, что этот мальчик подглядывает за тобой в душе. А за Томой подглядывает Николай Басков. Вы прекрасны, вы гордитесь своим телом!

Филипп положил мне руку на плечо. Я с удивлением обнаружил, что натурщицы вихляются сами по себе – он и не думал их щелкать.

– Все на автомате, – шепотом пояснил он. И громко командовал:

– Медленно снимаем трусы!

Из дверцы за бархатной портьерой вразвалочку вышел мощный негр в кожаных плавках, с плеткой в руке. Этот парень иногда заходил в магазин «Нежность». Его звали Иван. Он учился в колледже изящных искусств и подрабатывал на дискотеках стриптизером. То есть, его настоящее африканское имя было гораздо интереснее, но для удобства он всегда представлялся: «Иван из Африки».

– Работаем с партнером а-ля труа, – объявил Писистратов. – Представьте себе, что вы соперницы. Вы обе хотите этого огромного негра и пытаетесь его соблазнить.

– Ма, я не буду с негром, – заняла Нателла.

– А чем прикажешь платить за твой колледж? – прикрикнула мать и с отвратительной улыбкой стала тереться щекой о кожаную выпуклость Ивана.

Я щелкнул мышкой и увидел свою красавицу на фото, свисающую с шеста наподобие курицы-гриль, нанизанной на вертел. Волосы девушки ниспадали на пол, лицо было искажено неестественной улыбкой перевернутого человека, но все же это несомненно была она – двойница Аманды.

– Серафима из Челябинска. Я тебе её подгоню, – пообещал из-за спины Писистратов.

Он тут же стал набирать телефон кукольной девушки, а я краем глаза увидел очередную сцену фотосессии. Все трое обнажились, негр Иван вилял бедрами, безуспешно пытаясь раскочегариться, а мама силком тянула руку хнычущей девчонки к его жутким причиндалам, словно к раскаленной ско-

вороде.

– Алё. Серафима? Это дядя Филипп звонит, – сказал Писистратов в трубку и подмигнул мне.

Несмотря на свою неземную красоту, Серафима оказалась простой уральской девкой из деревни Фер-Шампенуаз Челябинской области. Возможно, прапрабабушка Серафимы была умыкнута из покоренной Франции каким-нибудь уральским казаком, и в этом был секрет её изящества. Но манеры и запросы Серафимы были самые немудрящие, уральские.

– Меня Серафима зовут, можно Сим-Карта, – представилась она.

А затем сообщила, что минет в её интерпретации стоит триста пятьдесят рублей, один час любовных утех – вдвое больше, а целая ночь восторга – всего полторашку. Когда же я ответил, что пригласил её по другой части, она совсем растерялась, ибо ни с какими другими мужскими запросами пока не была знакома. Я предложил её чего-нибудь выпить. Она обрадовалась и попросила маленькую бутылочку импортного пива, чтобы не потолстеть. Сразу было видно, что она не привыкла к людской щедрости и рада хоть просто посидеть без физического труда.

Мы разговорились. Сим-Карта была студенткой колледжа культуры и искусств, где её научили ловко кувыраться и лазать по шесту, прежде чем исключить за глупость. У бабушки в деревне Фер-Шампенуаз остался её ребенок, при-

житый от местного словесника в пятнадцать лет. Учитель, этот краевед, эстет и педофил, дал ей, так сказать, путевку в жизнь, приохотив к прекрасному. Сим-канрта с восторгом вспоминала свои школьные годы и занятия художественной самодеятельности, которые, в конце концов, довели учителя до тюрьмы.

Пол ребеночка не уточнялся. Сим-Карта его не видела почти четыре года, но регулярно высылала ему деньги от своих трудов и мечтала забрать к себе в город, когда купит жилье. Покупка собственной квартиры была идефиксом Серафимы, ради которого она даже отказывалась от группового отдыха в Египте за счет предприятия. Впрочем, ей нравилась её работа – как на сцене, так и вне её. Она считала, что делает полезное дело, и относилась к своим клиентам с пониманием. Среди них были люди достойные: священники, артисты, видные коррупционеры. На всякий случай я тут же уточнил, не приходилось ли ей ублажать некого Какаяна, но это имя ей ничего не говорило.

Разговор перешел на книги. Оказалось, что весь свой досуг девушка посвящала запойному чтению, предпочитая лакированные произведения жанра «фэнтези» дамским романчикам, которые она считала вопиющим искажением действительности.

– А ты... что читаете? – спросила она меня одновременно на «ты», как клиента, и на «вы», как интеллигентного человека.

– «Франкенштейн» – слышала?

Серафима пожала плечами. И вдруг меня осенило:

– Читала «Три толстяка»?

Девушка так и взвилась.

– Ты чё! Мы в школьном театре представляли эту постановку.

– Кого же ты там представляла? – чужим голосом спросил я.

– Куклу наследника Тутси, – просияла Серафима и прошла по кафе походкой заводной куклы.

Она ничуть не удивилась моему предложению. О цене мы столковались так легко, что я пожалел о своей поспешной щедрости. Я пообещал выдать девушке семь тысяч перед началом операции и столько же по её успешном завершении. То есть, после её замены механической копией. Когда и каким образом произойдет эта замена, я пока не знал. Но для меня, как для приговоренного к смертной казни, и несколько дней оттяжки казались целой вечностью. И я, как беременная школьница, надеялся, что через несколько дней все рассосется само собой. К счастью, Серафима не спрашивала меня о сроках контракта. У меня даже сложилось впечатление, что она рада самой возможности поблаженствовать в чертогах олигарха.

Успех переговоров превосходил все мои ожидания. Мы настолько остались друг другом довольны, что в качестве бонуса девушка предложила продемонстрировать мне свои

уникальные способности. Для этого мы должны были немедленно отправиться через дорогу, в новый торговый центр «Грёзы Кахора». Но если нас встретит кто-нибудь из её знакомых, надо говорить для конспирации, что я дядя Саша из Челябинска.

Насколько я себя помню, я впервые оказался на людях рядом с такой красотой. Серафима на каблуках была почти на голову выше меня, её смуглые ноги струнами уходили в головокружительную высь, а сквозь эфемерное платьице просвечивало символическое белье. Это зрелище было настолько диким посреди озабоченного дневного города, что на нас тарасились прохожие. И вместо законной гордости я испытывал жаркий стыд.

Серафима рассказывала о своем новом номере, посвященном юбилею Куликовской битвы, в котором она и ещё одна девушка будут изображать поединок Пересвета с Челубеем. На них будут трусы и лифчики из настоящей кольчуги, которые они, с благословения епископа, будут срывать друг с друга копьями. А потом Серафима в роли Пересвета прикует Челубея к шесту и как следует выпорет плеткой.

Нервно посмеиваясь, я не смел прямо взглянуть на Серафиму, чтобы изучить её досконально, и лишь боковым взглядом улавливал её обнаженное коричневое плечико, на котором была изображена причудливая изумрудная змейка с рубиновыми глазами, раздвоенным языком жалящая собственный хвост. Это было невероятно: матовая кожа Серафимы

отражала солнечный свет, как обивка кожаного дивана. На ней, даже с самого близкого расстояния, не было заметно ни малейшего изъяна, характерного для самой идеальной младенческой кожи: ни единой оспинки, царапинки или родинки, никакого тебе пушка или волоска. По сути дела, Серафима даже меньше напоминала живое существо, чем её пластмассовая копия Аманда.

И вдруг я совершил поступок, совершенно мне не свойственный. Я не удержался и ущипнул эту чужую девушку за руку. Отчего-то мне взбрело в голову, что при таком искусственном виде, она, должно быть, не чувствует и боли.

– Ты чё, мужик, я не поняла! – некрасиво взъелась Сим-Карта. К сожалению, она была живая, слишком живая. Человеческая, слишком человеческая, – сказал бы на моем месте Фридрих Ницше.

Я присел на кованую ограду напротив магазина «Грезы Кахора» и закурил. Через минуту на витрине отдела женской одежды, между манекенами, появилась Серафима, которая успела густо накраситься. Девушка заговорщицки «сделала мне ручкой» и тут же замерла в заманчивой позе. Я ужаснулся. Мне казалось, что её немедленно разоблачат, обматерят и выволокут вон. Что меня вместе с нею отпинают свирепые охранники. Что прохожие будут останавливаться и со смехом тыкать в неё пальцами. Что зря я затеял всю эту авантюру с куклой.

Ничего подобного не произошло ни через минуту, ни че-

рез десять, ни через полчаса. Моя задница уже отсохла сидеть на железе, я весь изъерзался, искурил оставшиеся сигареты, а она даже не шелохнулась. Наконец, и сам я, сравнивая её с соседними манекенами, перестал понимать, кто есть кто и какая из этих пластмассовых фигур только что дефилировала со мной по улице. Очевидно, Серафима погрузила себя в какой-то профессиональный транс, который мог продолжаться столько времени, за сколько уплачено. Скорее я сам упал бы в обморок от изнеможения, чем она шевельнулась

Я указал пальцем на часы и скрестил руки перед грудью. Серафима, только что не подававшая признаков жизни, скорчила забавную рожицу и сделала реверанс. Проходившая мимо загорелая баба с двумя клетчатыми капроновыми мешками в руках испуганно вздрогнула, энергично плюнула и посмотрела на меня с классовой ненавистью. По возрасту она могла быть моей одноклассницей.

Сразу после открытия магазина мы отправили коробку с Амандой в Долину Бедных, и я стал ждать разоблачения. Я подскакивал в своей тумбе от каждого телефонного звонка и пытался угадать, с кем и о чем сейчас говорит Франкенштейн. Каждый раз мне мерещилось, что речь идет о кукле и обо мне. А каждый новый посетитель казался мне порученцем Какаяна, пришедшим по мою душу.

Несмотря на все таланты моей дерзкой сообщницы, я те-

перь сомневался, что ей удастся надуть прожженных Кака-янов. Жизнь не сказка. Что если она чихнет, вскрикнет от боли, захочет в туалет? Сколько времени она сможет обходиться без воды и пищи? А ну как злой мальчишка захочет оторвать ей ножку или выковырнуть глазик?

Рабочий день близился к концу, но я все не верил в свое избавление. Очевидно, меня не трогали лишь потому, что куклу не успели распаковать. Или бедную Сим-Карту сейчас пытаются гориллы Какаяна, выколачивая из неё подробности. А может, она решила, что лучше получить половину суммы живой, чем полную – мертвой. И сбежала в Челябинск.

Какаян позвонил в самом конце рабочего дня. На сей раз это был именно он, а не галлюцинация. Через приоткрытую дверь директорского кабинета я совершенно отчетливо слышал, как Франкенштейн угодливо произнес:

– О да, Ахав Налбандянович, я весь внимание.

Как бы в качестве разминки я подошел к двери и увидел в щелочку, что Франкенштейн стоит за своим столом навывтяжку, с выпученными глазами, и слушает бесконечный монолог на той стороне провода. Этот односторонний разговор продолжался минут пятнадцать. Он показался мне чтением моего обвинительного приговора. Затем Франкенштейн сказал:

– Рад стараться.

И положил трубку.

Он выскочил из своего кабинета так бурно, что я чуть

не схлопотал дверь по лбу. Продавщица перестала сметать пыль с электропенисов на верхней полке и замерла с метелкой в руке, подобно Лотовой жене. Мне показалось, что Франкенштейн сейчас ударит меня по лицу и, хотя его удар не мог причинить мне большого вреда, я подался немного в сторону.

– Это по вашу душеньку, Александр Сергеевич, – Франкенштейн оскалился всем своим челюстно-лицевым аппаратом, словно хотел расхохотаться или зарыдать, но не мог. Его землистое лицо покрылось зелеными и бордовыми пятнами. Он впервые назвал меня на «вы», по имени-отчеству, и это было страшнее отборного мата.

– Сегодня, в шестнадцать часов тридцать две минуты по московскому времени завершилось испытание электронно-механической сексуальной куклы «Аманда» производства Японской империи, – левитановским голосом объявил Франкенштейн. Он определенно сбрендил. – Студент Анастас Какаян, двадцати одного года, вступил в контакт с устройством «Аманда» в присутствии родственников, гостей и специалиста по психиатрии, после чего достиг эрекции через сорок одну минуту и эякуляции в течение двадцати двух секунд. По всем психофизиологическим параметрам аппарат «Аманда» значительно превзошел девушек биологического происхождения, дающих эрекцию в одном случае из сорока и эякуляцию – в нуле случаев. Наш покупатель, всемогущий Ахав Какаян, рыдает на том конце провода от сча-

стья. Его единственный сын спасен.

Крупнейшая сделка секс-индустрии за всю послеоктябрьскую историю нашего города прошла блестяще. От лица совета директоров ООО «Нежность» объявляю благодарность стрелку ВОХР Александру Перекатову за монтаж, наладку и настройку куклы «Аманда», а также всем продавцам, грузчикам, уборщицам магазина и моим родителям, без которых эта сделка не состоялась бы.

Франкенштейн крепко схватил меня шарнирами рук за плечи и оглушительно чмокнул в ухо.

В тот вечер мы заперли магазин на учет, напились шампанского и устроили чемпионат по фехтованию на телескопических пенисах сначала между мужчинами, потом между женщинами и наконец – в смешанном разряде. Франкенштейн был настолько пьян, что пообещал выделить мне материальную помощь в размере двадцати окладов. Впрочем, на следующий день он пришел на работу задумчивый и больше не вспоминал об этом.

С каждым днем страх разоблачения беспокоил меня все меньше. Я откладывал ремонт Аманды со дня на день и, наконец, решил оставить поломанную куклу себе на память.

II

У меня на службе круглые сутки молотил портативный телевизор, и я вынужден был просматривать все передачи под-

ряд, чтобы убить время во время дежурства. Поэтому публичная карьера Аманды развивалась, можно сказать, у меня на глазах.

Вскоре после того, как Аманда под именем Магдалины обвенчалась с Анастасом Какаяном в кафедральном соборе города, чета Какаянов выступила в утреннем телешоу «Чём свет не спамши». Я разогревал пищу в микроволновке и пропустил начало передачи. В кладовку, которая служила нам «комнатой отдыха», доносились только голоса участников: бесперебойный ор ведущего, густое мычание какого-то мужика и звонкий выразительный девичий голосок. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что серебристый голос респондентки принадлежит Аманде. С тех пор, как мы познакомились, она катастрофически поумнела или, что более вероятно, научилась пользоваться телесуфлером. При этом её внешнее сходство с куклой ещё усилилось. Только теперь это была мультимедийная кукла, говорящая и действующая по воле неведомого аниматора.

Вопреки народной молве, Анастас не производил впечатления полоумного. Это был тучный, пятнисто румяный, кудрявый юноша с добрыми глазами барана и приоткрытым мокрым ртом. Он говорил не совсем внятно, как человек после инсульта, но его речь была в целом понятна и, в общем, разумна. Впрочем, говорить ему почти не приходилось. В студии он служил лишь приложением эффектной жены.

– Как вы относитесь к утверждению, что все блондинки

похожи на кукол? – провокационно спросил ведущий Артур Позоров и змеисто улыбнулся маской лица.

– На самом деле все куклы похожи на блондинок, – лучезарно ответила Аманда, волнуяще меня расположение своих бесконечных ног.

Я сделал звук погромче. Неужели это моя Сим-Карта, которая двух слов не могла связать без неопределенного артикля «бля»?

– Анастас, что вы цените в женщинах больше: красоту или ум? – допытывался ведущий.

– Красоту... и ум, – вязко ответил Стасик и заржал. Слюна юноши отлетела на холеное лицо ведущего, которое еле заметное дернулось, но ничего идиотского в ответе не было.

Позоров попросил Аманду рассказать романтическую историю знакомства с мужем. И девушка призналась, что в первый их совместный вечер Стас принял её за манекен.

– Это был день рождения Стасика, было слишком много гостей, шампанского и все такое, – щебетала Аманда. – Я зашла в одну из спален второго этажа, приглушила свет и встала вот так. Стас, очевидно, не мог понять, почему в его комнату принесли манекен. Он стал меня трогать здесь, и здесь, и здесь, а я терпела, чтобы не прыснуть от смеха – мне было так щекотно. А потом я тоже потрогала его – там. С тех пор мы неразлучны.

Все-таки мне показалось, что окаянные губы Аманды не совсем синхронны словам. Что-то подобное бывает в пере-

водных фильмах, когда рот актера произносит “fuck”, а голос переводчика гнусавит «черт-черт-черт». Более того, слово «неразлучны», кажется, прозвучало после того, как рот красавицы закрылся. Но обычному зрителю такие тонкости не были заметны.

Честно говоря, Анастас своим косноязычием только испортил общее впечатление передачи. В дальнейшем Аманда стала появляться на экране почти каждый день, но без спутника. Она превращалась в одну из телевизионных див, которых знает вся страна. Но никто, кроме специалистов, не знает, что это за существо и откуда оно взялось. Каждому было понятно, что это чудо природы могло вознестись так высоко всего двумя способами: через постель или родственные связи. Но эта аксиома никого не смущала, а скорее вызывала завистливое уважение. О могущественной тени отца Какаяна никто не вспоминал. Такие фигуры на экран не лезут.

– Аманда? – говорили зрители, увидев девушку на обложке журнала, в рекламном ролике или ток-шоу. – Это которая кукла?

– Может, и кукла, а дом на Рублевке, – был ответ.

Интеллигенты бесновались при виде бездарной блондинки, взявшей такой верх, но с точки зрения рейтинга это было даже хорошо. Ненависть интеллигенции свидетельствует о любви народа. Когда телевизионному эксперту надо было узнать компетентное мнение о тенденциях трусиков текущего сезона, проблеме эвтаназии, клонирования или детского

насилия, всегда обращались к Аманде. И она выдавала в точности, что требовалось. На неё всегда было приятно направить камеру. И каждый, кто брал за труд выслушать хоть одно её высказывание без предубеждения, с удивлением констатировал:

– Она не такая уж дура!

Порой мне начинало казаться, что история с подменой секс-куклы лимитчицей из Челябинской области – плод моего воображения. В журнале «Мог» я прочитал, что Аманда разошлась с юным Какаяном из-за его склонности к домашнему насилию, и её новый избранник – король растворимой каши Дольцын, владеющий также британским футбольным клубом и издательским домом «Ы». Любовь Аманды и пылкого Дольцына, отображенная в программе «Женская доля», разразилась очень своевременно, накануне эмиграции Ахава Какаяна в Великобританию и выдачи ордера на его арест. После этого моей знакомой предложили роль ведущей в шоу «Мандат», и она выдвинула свою кандидатуру на пост депутата Государственной думы от нашего избирательного округа.

Стоит ли пересказывать то, что городили в своих листах противники Аманды накануне выборов? Ей инкриминировали все, что только может взбрести в голову параноику, охваченному безумной ненавистью, от шпионажа до скотоложества. Её обвиняли в том, что она соблазнила наследника Какаяна по расчету, но и в том, что она его бросила по люб-

ви. В том, что она слишком глупа, и в том, что она кандидат философских наук. В том, что она слишком распутна, и в том, что отказывала мужу в постели. Несмотря на некоторые нюансы, выдающие почерк того или иного журналиста, общая схема критики оставалась примерно одинаковой. Суть её была настолько безумна, что вплотную приближалась к истине. Она заключалась в следующем.

Аманда Дольцына-Какаян вовсе не та, за кого себя выдает. Она не дочь военного и учительницы, закончившая психологический факультет Гуманитарного университета и получившая степень кандидата философских наук по теме «Философия красоты». Она не мастер спорта по художественной гимнастике, не увлекается горными лыжами, не знает пять иностранных языков и не была девственницей до знакомства с Какаяном в возрасте 24 лет, как утверждает пресс-релиз. На самом деле она родилась в какой-то деревне, лишилась девственности в одиннадцать лет, не смогла закончить девятилетку из-за умственной отсталости, не умеет читать и писать. Она употребляет наркотики, трижды судима и зарабатывала на жизнь на панели. Но самое главное – она не человек.

Самое главное, что при всех своих недостатках Аманда представляет собой очень сложную и дорогую модель сексуальной куклы с программным управлением, которую практически невозможно отличить от живой девушки. При помощи компьютерной анимации и дистанционного управле-

ния этот хитрый механизм не только может имитировать человеческую речь на экране, но и выступать на сцене и даже отвечать на вопросы в «живом» диалоге с электоратом. Понятно, что в первом случае используют заранее заготовленную фонограмму, а во втором за куклу отвечает замаскированный пиарщик, передающий правильные ответы в режиме он-лайн.

Если Аманда победит на выборах, то нашу богатую историческими традициями область будет представлять в парламенте не просто безграмотная проститутка или неодушевленный механизм, которому нет дела до нужд коренного населения. За проектом «Аманда» скрываются могущественные воротилы международного капитала, которые хотят запустить свои хищные лапы в закрома нашего многострадального региона и, по сути дела, пустить с молотка его природные ресурсы, обрекая население на нищету, алкоголизм и вымирание.

Эта самая А-Манда не что иное как инструмент геноцида нашего народа, его, так сказать, Троянский конь.

Читая эти опусы, написанные с ненавистью, доходящей до сладострастия, я понимал, что все попадания авторов в цель являются не более чем художественным озарением. Никто из них не называл (а следовательно – и не знал) имени Серафимы, реального места её рождения, учебы и т. д. Никто не знал (и не мог использовать) информацию, откуда взялась кукла Аманда, как она попала в замок Какаянов и сделалась

законной супругой Анастаса. Наконец, никто не мог свести концы с концами и внятно объяснить, почему гуттаперчевая говорящая кукла с дыркой и красивая глупая блондинка из захолустья – одно лицо.

Именно в этом, а не в недостатке отпущенных средств заключалась причина провала клеветнической кампании.

Наслаждаясь очередным памфлетом какого-нибудь Ивана Правдюка или любуясь выступлением Аманды на заседании благотворительного фонда сирот с ограниченными возможностями, я думал, а сколько бы я мог огрести, если бы раскрыл конкурентам всю правду о Сим-Карте в мельчайших деталях? И какой суммы оказалось бы достаточно, чтобы я этого не делал? Каким способом меня бы заставили молчать – финансовым или физическим?

Как ни крути, а получалось, что выгода от моего откровения была очень сомнительна, а опасность – слишком реальна. Жизнь сторожа стоила гораздо меньше самого скромного вознаграждения в этой игре.

После продажи Аманды дела Франкенштейна пошли все не так хорошо, как он воображал. В конце концов, сумма сделки была не достаточно велика для серьезного прорыва и быстро растворилась в текущих расходах. А вторая кукла, привезенная директором для закрепления успеха, так и залежалась в девках на складе. Увы, в нашем городе не было второго алюминиевого короля с умственно отсталым

двадцатилетним сыном, играющим в куколки. А с началом предвыборной кампании магазин «Нежность» стал преследовать злой рок в лице компетентных органов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.